

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА ПРОТИВОРАКЕТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Алексей Арбатов

В современных вооруженных силах ведущих держав нет более высокотехнологичной и сложной, экономически дорогостоящей и значимой для национальной безопасности военно-технической системы, чем противоракетная оборона. Конкретнее – стратегической противоракетной обороны для защиты территории, особенно если речь идет о неядерном перехвате баллистических ракет средней и межконтинентальной дальности с ядерными боевыми частями. В настоящее время только две державы имеют такие системы, развернутые в ограниченном масштабе, и большие программы их развития: Соединенные Штаты и Россия¹. Они обладают колоссальным превосходством над всеми другими странами мира в этой области².

1. Политические аспекты: ПРО и НАТО

Совершенно очевидно, что взаимодействие государств в развитии стратегической ПРО – т.е. в самой важной для национальной безопасности и высочайшей по военно-технологическому уровню сфере обороны – возможно лишь между близкими военно-политическими союзниками. Если создавать «единый периметр безопасности с равноправным юридическим участием сторон»³ (о котором президент Медведев сказал в своем ноябрьском заявлении), то это предполагает, что в спасении многих миллионов своих граждан от уничтожения в течение нескольких минут нужно положиться на безотказное срабатывание боевой техники другого государств. Таких военных альянсов история еще не видела. Даже с союзниками по НАТО и Японией кооперация США в развертывании ПРО является не сотрудничеством в полном смысле слова, а размещением американской системы с использованием союзной территории, тыловой инфраструктуры и отдельных маргинальных технических систем.

Впрочем, союзники по НАТО поддержали программу ПРО не только и не столько из-за страха перед иранскими ракетами, которые до прихода администрации Барака Обамы не слишком их беспокоили. Скорее, европейские члены НАТО увидели в программе ПРО мощный инструмент укрепления единства альянса в условиях исчезновения «советской угрозы», глубокого сокращения

---

¹ См.: подборку ВКО...

² Помимо двух ведущих держав, только Израиль создал оперативно развернутую ПРО, но она предназначена для защиты его крошечной территории от ракет оперативно-тактического назначения и средней дальности, причем, главным образом, в неядерном оснащении. Ее эффективность в отражении удара даже небольшого числа ядерных ракет весьма сомнительна.

³ Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 23 ноября, 2011 г., <http://события.президент.рф...>

американского военного (в том числе ядерного) присутствия в Европе⁴ и растущей вовлеченности США в проблемы Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и Азиатско-тихоокеанского региона. К тому же европейские страны рассчитывают на экономические плоды и доступ к высоким технологиям в результате развертывания ЕвроПРО. А для ряда новых восточноевропейских членов НАТО ожидаемое размещение объектов ПРО на их территории выглядит как материальное воплощение гарантий безопасности со стороны США, способ повысить свою роль в НАТО и удобный случай еще раз вызвать недовольство России.

В этом важнейшая политическая составляющая программы ЕвроПРО, которая, по понятным причинам, не содержит ничего привлекательного для России. Это тем более так, поскольку, помимо отдельных научно-общественных инициатив, тема вступления России в НАТО или союза между НАТО и ОДКБ в соответствии с высокими стандартами межгосударственных взаимоотношений, необходимыми для совместного развития ПРО, никогда не затрагивалась в рамках официального диалога сторон.

Возможно, что сторонники российско-американского взаимодействия по ПРО и в России и на Западе надеялись посредством такой программы постепенно двигаться к партнерским и союзническим отношениям в борьбе с новыми угрозами и вызовами XXI века, включая распространение ядерного оружия и ракетных технологий, международный терроризм и его стремление овладеть ОМУ. Императивы такого сотрудничества постоянно декларируются в официальных документах, подписываемых Россией, США и другими странами и международными организациями, о них постоянно говорят на форумах разного уровня. На практике оно тоже осуществляется по ряду направлений («афганский транзит», взаимодействие антитеррористических спецслужб, меры обеспечения сохранности и контроля критических материалов и технологий и пр.).

Однако применительно к проблеме ПРО сторонники реального сотрудничества оказались в меньшинстве: ни политические элиты, ни военно-стратегические сообщества, ни государственные руководители стран Запада и России не были готовы к такому быстрому (соразмерно темпам программам ПРО до 2020 г.) и целенаправленному военно-политическому сближению сторон. Определенная часть правящих кругов США и новых стран-членов НАТО не приемлют такое союзничество по внешнеполитическим соображениям. В еще большей степени это негативное отношение присутствует в России, поскольку соперничество и противостояние с Западом играет большую роль не только во внешней, но и во внутренней политике страны.

2. ПРО на фоне внешней и военной политики России и США

---

⁴ Храмчихин, военное присутствие США, НВО...

Несмотря на внешнеполитические декларации президента Медведева о «партнерстве ради модернизации» России и Запада, о строительстве «модернизационных альянсов», о «перевооружении российской промышленности» с помощью таких альянсов⁵, российская внешняя политика остается «многовекторной» не только в текущей деятельности, но и в фундаментальном выборе приоритетных конфигураций внешнего партнерства на долгосрочную перспективу. А военная политика сохранила и даже преумножила векторы против США и их союзников.

Военное, военно-техническое и политическое сотрудничество России с Китаем (главным соперником США в XXI веке) и другими странами ШОС имеет гораздо более высокий организационно-правовой уровень, чем взаимодействие с США в рамках двусторонних президентских рабочих групп или Совета Россия–НАТО. При эпизодически единогласном голосовании в Совете Безопасности ООН, позиции России (и Китая) по проблеме ядерных программ Ирана и КНДР существенно мягче, чем у США и их союзников. Россия активно развивает экономические, политические и военно-технические отношения с режимами, прямо враждебными США (Иран, Сирия, КНДР, Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Куба, Судан, Мьянма и пр.).

Военная политика, согласно подписанной президентом Медведевым в феврале 2010 г. Военной Доктрине России, определяет приоритетность внешних опасностей следующим образом: а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока; б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность; в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях; г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих

---

⁵ Обращение президента - Дмитрий Медведев: Россия, вперед! - Газета.Ru, 10.09.09 www.gazeta.ru/.../09/10_a_3258568.shtml

Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях // Президент России. 2010, 12 июля (<http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>).

сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия»⁶.

Понятно, что все четыре приоритетные «опасности» исходят от США и их союзников. А «распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий» и «распространение международного терроризма», которые предполагают сотрудничество с Западом, находятся лишь на шестом и десятом местах соответственно⁷. Конечно, Военная Доктрина и практическая военная политика России традиционно весьма расходятся, однако новая военная реформа и Государственная программа вооружений до 2020 г. отражают преобладающую направленность на противостояние (включая первостепенную роль ядерного сдерживания и Воздушно-космической обороны) и военно-техническое соперничество с США⁸.

Соединенные Штаты и их союзники, в свою очередь, проводили и проводят политику, в которой сотрудничество с Россией стоит отнюдь не на первом месте и зачастую приносится в жертву другим целям. Например, речь идет о расширении НАТО на восток, вытеснении экономического, политического и военного влияния РФ из постсоветского пространства, давлении на российских партнеров в «дальнем зарубежье». Военная политика США гораздо меньше сконцентрирована на России, нежели российская на США/НАТО, она в последние годы ощутимо переориентируется на противостояние с Китаем и региональные конфликты в третьем мире. Но и в ней сохраняются осязаемые элементы противодействия РФ (поддержание преимуществ в балансе стратегических вооружений, новейшие системы обычных вооружений, сохранение тактического ядерного оружия в Европе, противолодочная активность в Северной Атлантике). И уж во всяком случае, в своих военных программах США не считают нужным учитывать озабоченности Москвы (развитие стратегических высокоточных систем в обычном оснащении, программы ПРО, эксперименты с частично-орбитальными ракетно-планирующими средствами в рамках концепции «Быстрого глобального удара» и пр.).

Совершенно очевидно, что преобладающая направленность военно-политического курса держав, несмотря на отдельные направления сотрудничества, совершенно не соответствует высочайшим критериям единства, которые предполагает совместное развитие систем ПРО.

---

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. №146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. 2010, 10 февраля (<http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>).

⁷ Там же.

⁸ По мере убывания эта направленность ощутимо присутствует в программах РВСН, ВКО, ВМФ, ВВС, Сухопутных Войсках.

Впрочем, история знает примеры союзничества антагонистических держав, если речь идет о борьбе с общим смертельно опасным врагом, каким была для СССР, США и Великобритании гитлеровская Германия во второй мировой войне. Преодолеть противоречия России и США, которые ныне не являются антагонистическими, и создать совместную или объединенную систему ПРО было бы можно, если бы существовало обоюдное осознание конкретной общей большой угрозы.

Однако и в этом между современной Россией и Соединенными Штатами нет согласия. Руководство США вот уже много лет указывает на угрозу со стороны Ирана и Северной Кореи. Тем временем, из уст высших российских руководителей ни разу не прозвучало четкого и недвусмысленного признания ракетной угрозы со стороны названных стран. Наоборот, было высказано множество сомнений в обоснованности опасений по поводу ракетных и ядерных программ Ирана и КНДР. Например, в Довиле президент Медведев в очередной раз дал понять, что не видит никакой угрозы со стороны этих государств. Конкретно он заявил, что «никто из западных партнеров не может ему объяснить» какие и чьи ракеты должна перехватывать ЕвроПРО ближе к 2020 г. (т.е. когда НАТО планирует четвертый этап развертывания ПРО с гипотетическим потенциалом перехвата межконтинентальных ракет). «Значит, вывод простой, - заключил он, - тогда это против нас»⁹.

3. Различие оценок угрозы с юга

Тем не менее, и с этим вопросом не все так «просто», хотя можно посочувствовать российскому президенту, если ему приходится иметь дело со столь некомпетентными партнерами. По свидетельству многих авторитетных российских и зарубежных военных экспертов, поскольку речь идет о южных азимутах Европы, сейчас ракетами средней дальности (т.е. 1000-5500 км) обладают Пакистан, Иран, Израиль, Саудовская Аравия. Ракеты меньшей дальности (до 1000 км) есть у Турции, Сирии, Йемена, Египта, Ливии. Нет непреодолимых технических препятствий, чтобы значительно увеличить дальность баллистических носителей за счет снижения полезной нагрузки и других мер. Например, дальность иранских ракет «Шехаб-3» можно повысить таким путем с 1500 до 2300 км, разрабатываемая ракета «Шехаб-4» будет иметь дальность 3000 км, а «Шехаб-5» и «Сейджил» еще больше.

По оценкам ряда экспертов, через 10-12 лет Иран может создать ракеты межконтинентального класса, но и ракеты средней дальности будут перекрывать континент до Испании, Норвегии и

---

⁹ Пресс-конференция по итогам саммита «Группы восьми» // Президент России. 2011, 27 мая (<http://news.kremlin.ru/transcripts/11374>).

Красноярска. Исход арабских революций пока непредсказуем. Однако вполне вероятно, что в конечном итоге новые режимы будут более националистическими и религиозными. А это - питательная почва для появления целой группы новых «пороговых» ракетных и ядерных государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Тем не менее, в курсе Вашингтона есть явные нестыковки, которые вызывают естественные подозрения Москвы об истинных целях программы ЕвроПРО. И дело вовсе не в том, что у Ирана пока нет ни МБР, ни ядерного оружия. О ракетах было сказано выше, и есть серьезные причины подозревать наличие военной ядерной программы Ирана (подтвержденные претензиями со стороны МАГАТЭ и лежащие в основе 4-х резолюций Совета Безопасности ООН).

Дело в другом: США не раз официально заявляли, что ни за что не допустят обретения Ираном ядерного оружия (подразумевая, видимо, также и решимость Израиля не допустить этого). А раз так, то стоит ли создавать крупную систему ПРО для защиты от ракет в обычном оснащении? В отличие от ядерных ракет, ущерб от удара таких носителей был бы незначителен. Для его предотвращения вполне можно полагаться на потенциал разоружающего удара и массированного возмездия с применением высокоточных обычных систем, столь эффективно использованных в Югославии, Ираке, Афганистане и Ливии.

Иногда представители Вашингтона говорят, что система ПРО будет сдерживать Иран от создания ракетно-ядерного оружия. Но скорее наоборот, с точки зрения Тегерана, чем масштабнее ПРО США – тем лучше: ведь она раскалывает Москву и Вашингтон, что позволяет Ирану продвигать все дальше свои ядерные и ракетные программы. Во всяком случае, Иран никогда официально не протестовал по поводу ЕвроПРО, видимо, не видя в ней для себя большой угрозы (в отличие от официальной Москвы).

Логические неувязки американской позиции дают повод для серьезных подозрений в Москве. Во-первых, что под предлогом политики силового контрраспространения преследуется цель свержения недружественных режимов (как в случае с Ираком в 2003 г.), которые могут быть вполне дружественны России и Китаю. А во-вторых, что под ширмой борьбы с ракетной угрозой Ирана и КНДР, стремятся создать ПРО для ослабления российского и китайского потенциалов ядерного сдерживания. Американские политики и стратеги сделали далеко не достаточно, чтобы развеять такие подозрения, а по ряду направлений политики лишь укрепили их. Вместе с тем, нет достаточных оснований делать окончательные выводы на основе упомянутых подозрений.

В частности, дело в том, что США не уверены в возможности своих вооруженных сил (и сил Израиля) бесповоротно пресечь создание Ираном ракетно-ядерного потенциала посредством применения силы. Даже если первоначально авиаракетные удары отбросят иранские программы на

много лет назад, то со временем Иран может возродить свой потенциал: политически открыто, но технически скрытно, в глубоких подземных защищенных сооружениях. Помешать этому способна только наземная военная операция и оккупация, к которой США и их союзники после опыта Ирака, Афганистана и Ливии совершенно не готовы. А открыто заявить о сомнениях в своей способности военным путем подавить программу Ирана в Вашингтоне тоже не могут.

С другой стороны, понятно, что для Ирана было бы самоубийством ни с того ни с сего нанести ракетный (и тем более ракетно-ядерный) удар по США или их союзникам. В отношении Израиля, который иранское руководство на официальном уровне призывает «стереть с политической карты мира», вероятность такого удара не является столь однозначно невыполнимой.

Что касается стран США и других стран НАТО, то создав хотя бы «виртуальный» ракетно-ядерный потенциал сдерживания (как у КНДР), Иран может считать себя достаточно «неприкасаемым», чтобы решиться на агрессивные действия в зоне Персидского залива и в отношении Израиля как через посредство террористических организаций и шиитских общин за рубежом, так и напрямую своими вооруженными силами. В такой ситуации угроза силой или ее реальное использование в отношении Ирана со стороны США и их союзников кажутся Вашингтону более кредитоспособными при наличии ЕвроПРО, нежели только с опорой на высокоточные обычные средства поражения и потенциал ядерного сдерживания.

Тем не менее, в России многие считают, что противодействием иранской угрозе противоракетная программа США и их союзников не ограничивается, что она избыточна применительно только к Ирану и КНДР. Это, помимо прочих причин, о которых будет сказано ниже, объясняется рядом причин. Помимо Ирана и новых потенциальных арабских претендентов в ракетно-ядерный клуб, есть острее проблема Пакистана, который в случае прихода к власти исламистов превратится во второй «Иран», но уже с готовыми ракетами и ядерными боеголовками к ним. По понятным причинам США не могут открыто говорить об этой угрозе, чтобы не дестабилизировать своего нынешнего союзника, от которого зависит операция в Афганистане.

4. Китайский фактор

Самое главное – США всерьез готовятся к долгосрочному региональному (Тайвань) и глобальному соперничеству с Китаем в обозримый период XXI века. На противостояние с КНР все больше нацеливаются наступательные ядерные силы США, их высокоточные средства большой дальности в обычном оснащении (КРМБ) и новейшие разработки частично-орбитальных ракетно-планирующих систем (Минотавр Лайт IV).

Программа ЕвроПРО – это элемент глобальной противоракетной системы, наряду с районами ее развертывания на Дальнем Востоке, на Аляске и в Калифорнии и в сочетании с интегрированной глобальной системой информационного обеспечения (СПРН) и боевого управления. Судя по всему, она в большой мере направлена против ограниченного ракетно-ядерного потенциала Китая, чтобы как можно дальше отодвинуть время достижения им ракетно-ядерного паритета и взаимного ядерного сдерживания с США. Но и об этом Вашингтон не может сказать открыто, чтобы не провоцировать КНР на форсированное ракетное наращивание, не пугать еще больше Японию и Южную Корею и не подталкивать их к ядерной независимости.

Остается неясным, ставится ли аналогичная задача в отношении Китая перед российскими силами Воздушно-космической Обороны и впечатляющей программой их развития в ГПВ 2020. Но скорее всего, развертывание систем и средств ВКО (особенно за Уралом) будет именно так восприниматься Пекином.

Ядерный паритет и отношения взаимного сдерживания никому не предоставляются в качестве «бесплатного бонуса», его нужно или добиваться огромными усилиями или отбросить в качестве национальной цели. Достаточно вспомнить, как болезненно, долго и трудно, через какие кризисы (самым острым из которых был «Карибский ракетный» в 1962 г.) и циклы гонки вооружений в 60-70-е годы Вашингтон приходил к признанию неизбежности паритета и неотвратимости своей уязвимости для ракетно-ядерного оружия СССР.

Советский Союз тоже с острой тревогой реагировал на развертывание Китаем ракет средней дальности, а потом и МБР в 70-80-е годы. Сохранение Московской системы ПРО А-35/135 в 70-90-е годы в большой мере определялось китайским фактором. Этим же фактором официально обосновывалось решение США в 1967 г. о начале развертывания своей первой системы ПРО «Сентинел».

Переговоры РФ–США/НАТО о сотрудничестве в развитии ПРО в Европе вызывали серьезную озабоченность Китая. Вероятно, китайские специалисты вполне обоснованно ставят под сомнение возможность оперативно-технически отделить совместную (или сопряженную) ПРО РФ–НАТО для Европы от противоракетной обороны США на Дальнем Востоке и российской ВКО за Уралом. Китай постоянно незримо присутствовал на переговорах Москвы и Вашингтона по ПРО, хотя эта проблема открыто не обсуждалась. Очевидно, однако, что если США хотя бы теоретически допускали в будущем возможность частично совместной системы ПРО с Россией, то о сотрудничестве в этой сфере с Китаем – второй сверхдержавой первой половины XXI века – не могло быть и речи.

Для России взаимодействие по ПРО с США чревато осложнениями отношений с КНР. Поэтому для Москвы вероятность негативной политической или военной реакции Пекина (наращивания

ракетно-ядерных сил) на совместную ПРО РФ–США всегда была важнейшим сдерживающим фактором в диалоге с Соединенными Штатами.

Явные «недомолвки» в официальной версии американской ПРО, вызывающие подозрения России, и прежде всего – отсутствие согласованных конструктивных подходов к китайскому фактору – были одной из важнейших причин переговорного фиаско по вопросу ПРО.

5. Восприятие новых угроз в России и США

Россия (а до нее СССР) уже почти шесть десятилетий существует в условиях уязвимости для ядерного оружия всех¹⁰ других стран-обладательниц этим видом ОМУ, помимо США, а именно: Великобритании, Франции, КНР, Израиля, Индии, Пакистана и теоретически – КНДР. Москва и теперь полагается в обеспечении национальной безопасности на свой потенциал ядерного сдерживания и развитие дружественных отношений с этими странами и потому спокойнее относится к угрозе ядерного и ракетного распространения, тем более что усматривает более значительные военные опасности со стороны США¹¹.

В отличие от этого, Соединенные Штаты всегда имели дело только с одной ядерной державой в лице СССР, а потом и России. Все другие страны-обладательницы ЯО или были союзницами США или их ракеты не были способны долететь до американской территории. С Москвой Вашингтон научился регулировать стратегические отношения путем переговоров и соглашений по ПРО/ОСВ/СНВ. После окончания холодной войны угроза ядерного конфликта между двумя державами и вовсе приблизилась к нулю.

Но вслед за этим стало обостряться соперничество США с Китаем, который приступил к серьезной модернизации своих ракетно-ядерных сил с упором на межконтинентальные носители. А в перспективе такие средства могут создать КНДР, Иран и другие страны.

Мир, в котором США становятся уязвимы для ракетного и даже ракетно-ядерного оружия растущего числа стран, включая экстремистские режимы, – это новая и пугающая их военно-стратегическая реальность, с которой они не желают примириться. В последнем «Обзоре ядерной политики» США от 2010 г., в отличие от российской Военной Доктрины, опасность ракетно-

---

¹⁰ Исключением была только ЮАР, которая находилась вне досягаемости до СССР и РФ в период обладания ядерным оружием с начала 80-х до начала 90-х годов прошлого века.

¹¹ Военная Доктрина...

ядерного распространения и международного терроризма стоят на первом месте в числе угроз национальной безопасности.¹²

Понятно, что такая угроза для США особенно нетерпима в связи с тем, что в основе их курса лежит активное вмешательство, в том числе вооруженное, в дела многих регионов мира в защиту союзников и для поражения противников. Этот общий курс сохраняется при любой администрации, хотя могут существенно меняться его формы: односторонние или коллективные акции, с санкции Совета Безопасности ООН или без нее, массированным или избирательным образом и т.д.

Конечно, с новыми угрозами США могли бы вести более эффективную борьбу посредством сотрудничества с Россией, Китаем и другими государствами в укреплении системы ядерного и ракетного нераспространения, последовательного ядерного разоружения (включая ратификацию ДВЗЯИ и заключению ДЗПРМ), а также больше учитывая законные интересы безопасности других стран и действуя строго в рамках международно-правового поля. За период 1987–1997 гг. именно такой курс позволил добиться значительных успехов в ядерном нераспространении¹³.

Но после 2000 г. политика США в этой области стала прямо противоположной, ядерное разоружение зашло в тупик, а ракетно-ядерное распространение возобновилось с новой силой (Индия, Пакистан, КНДР создали ЯО, а Иран взял курс на «ядерный порог»). Вместо линии на международное сотрудничество в разоружении и нераспространении, Вашингтон при республиканской администрации Дж. Буша отдал приоритет развитию стратегической системы ПРО. Это породило новые серьезные противоречия между США и Россией и к 2008 г. даже привело их отношения к «противоракетному кризису».

После смены высшего государственного руководства в России и США в 2008 г. в духе «перезагрузки» отношений и в связи с новым Договором СНВ от 2010 г. Россия и США, а также Россия и НАТО приняли ряд деклараций о совместном развитии систем ПРО. Но помимо рассмотренных внешнеполитических расхождений, достижению успеха мешали и военно-стратегические различия между сторонами.

---

¹² Nuclear Posture Review Report. April 2010. Wash., DC., 2010, available at <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20nuclear%20posture%20review%20report.pdf>

¹³ За это время более 40 стран присоединились к ДНЯО, включая ядерные государства – Францию, КНР и ЮАР, Договор получил бессрочное продление, был принят Дополнительный Протокол МАГАТЭ, ряд стран отказались от военных ядерных программ и позволили вывести ЯО со своей территории (ЮАР, Бразилия, Аргентина, Украина, Белоруссия, Казахстан) или были лишены их силой с санкции СБ ООН (Ирак).